

Конопкин А.М. Когнитивные ценности и наука // Философия 20 века о познании и его аксиологических аспектах: Материалы Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 25-26 июня 2009 г.) / Под ред. Н. Г. Баранец. Ульяновск: 2009. – с. 37-40.

А.М. Конопкин

КОГНИТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ И НАУКА

История философии и методологии науки тесно связана с аксиологической тематикой. Наличие в науке ценностей признавалось всегда, но к разделению когнитивных и некогнитивных ценностей пришли не сразу. В античности считалось, что наука свободна от ценностей, нейтральна и беспристрастна. Еще Платон и Аристотель считали, что необходимо разделять мнения и знания. Обыденное знание, мир «доксы» - изменчивой повседневной жизни людей, с его обыденным знанием и знанием – «технэ» - знанием умением, искусством мастеров – ремесленников, противопоставлялся философскому знанию, относимому к высокому миру умопостигаемого бытия. В рамках этой высокой философии сформировалось математическое теоретическое знание, образцом которого стала геометрия Евклида [2, с. 13].

Однако по мере исследования этих вопросов получались выводы, которые все больше изменяли первоначальное представление. В Новое Время зародилась экспериментальная наука, и это вызвало появление новых проблем и идей в методологии. Продолжателями античных идей можно считать нововременных рационалистов. Надежные основы знания Декарт видел во врожденном знании, содержащем вечные истины; простота и ясность были для него критериями выбора теории. Лейбниц утверждал существование «истин разума» как истин, полностью независимых от многообразных изменений, постоянно констатируемых в опыте. [2, с. 22]. Одной из таких истин была идея Бога, которая считалась причиной предустановленной гармонии мира и возможности познания. Так рационалисты использовали эстетические ценности как основу своего понимания, и считали это естественным.

Пошатнулось такое понимание из-за появления эмпиризма, который провозгласил опыт основой всякого знания. Дело не столько в опыте, сколько в принципах, с которыми он связывался. Чтобы опыт имел объективное значение, он должен был стремиться к безличности (универсальности), эмпирической адекватности, точности. Это и были те критерии научности, вокруг обсуждения которых формировалась далее философия науки и теория познания. Это были одновременно и ценности, значимые для научного познания. Этот момент значим не тем, что одни ценности заменили другие, а тем, что это было появление «когнитивных ценностей».

Эти ценности отличаются тем, что за ними признаются важная роль в процессе выбора теории (в отличие от некогнитивных ценностей): «Ценность, роль которой желательно отметить в процессе выбора обоснованно принимаемой теории, не является моральной, персональной, социальной или эстетической, т.е. ценностью такого рода, от которой, как считают, наука может быть свободной. Она является когнитивной ценностью» [1, с. 103]. Считается, что эти ценности выделяют науку из ряда других практик.

Сам набор когнитивных ценностей со временем менялся; так, Т. Кун считал таковыми точность, последовательность, предсказательный и объяснительный масштабы, простоту и продуктивность в постановке исследовательских задач. Но некоторые утверждают, что данный набор должен включать инструментальную эффективность (Патнэм), фальсифицируемость (Поппер), возможность объяснения через оценку сильных и слабых мест предшественников (Макинтайр), индуктивную выводимость и отказ от гипотез (Ньютон), простота или объяснительный масштаб (Ван Фраассен) и др. [1, с.101]. Вокруг набора когнитивных ценностей ведется и сейчас много дискуссий.

Эмпиризм имел двойственную судьбу - он стал популярной идеологией, но в сфере методологии науки была осознана его ограниченность. Так, эмпиризм хорошо обосновывал знание единичного факта, однако не мог объяснить, почему всеобщие законы природы. Кроме того, эмпиризм не мог объяснить плодотворность математических выводов, делавшихся без опоры на опыт [2, с. 38]. Поэтому далее долгое время самыми влиятельными были немецкие классики, которые объясняли плодотворность математики исходя из старых рационалистических идей об априорном (или врожденном) знании. Кант, не отрицая роли опыта, утверждал, что он не может придать знанию всеобщность и необходимость, вводил априорное знание и различение мира непознаваемых вещей самих по себе и явлений.

Позитивистская линия вернулась же к эмпиристским идеям, хотя и в разное время с разными целями. Первые позитивисты в русле Бэкона пытались обосновать опытную науку. Так, Спенсер, признавая наличие врожденных идей, отрицал любые внеопытные пути возникновения врожденных знаний. Фактически, позитивисты стремились вынести ценности за рамки науки. Но уже постпозитивисты показали, что наука неотделима от ценностей, более того, она зависима от них гораздо больше, чем принято считать. В контексте взглядов П. Фейерабенда наука вовсе не отличалась от других когнитивных практик, и её когнитивные ценности не считались существенными.

Однако общий итог постпозитивизма всё же был в более глубоком понимании – наука и ценности неразделимы, но в ней действуют и некогнитивные (социальные, моральные, индивидуальные и др.) ценности, и когнитивные. Дискуссия пошла вокруг выяснения их роли на каждом из уровней научного познания – например, роли разных ценностей в парадигмах, в процессе оценки, выбора, принятия новых теорий.

Интересно, что в этом контексте получила развитие идея «науки, свободной от ценностей». Она получила развитие в книге Х. Лэйси [1]. Он считает, что когнитивные ценности отличны от других видов ценностей и что только они могут быть основанием для оценки теорий. Конечно, после постпозитивистов наука, свободная от ценностей, не понимается как свободная от ценностей вообще. Защищается более утонченное понимание: оба вида ценностей имеют значение, но в процессе выбора обоснованной теории самую важную роль играют когнитивные ценности. «Согласно принципу беспристрастности, ценностные утверждения не могут выступать основанием для принятия или отвержения теорий. Но принятие или отвержение теории само по себе означает утверждение определенных когнитивных ценностей. В соответствии с одной из возможных интерпретацией беспристрастности, «некогнитивные» (индивидуальные, нравственные, социальные, эстетические и т.д.) ценности не играют роли при выборе теории» [1, с. 56]. Автор защищает эту интерпретацию.

Социальные же ценности играют специфическую роль в период принятия стратегии, но их легитимность не распространяется настолько, чтобы играть независимую от когнитивных ценностей роль при выборе теорий.

Наиболее важными когнитивными ценностями для науки являются беспристрастность, нейтральность, автономность. Беспристрастность предполагает, что когнитивные и некогнитивные ценности можно разделить. Нейтральность – что принятие теории логически совместимо с лю-

бым ценностным суждением, при этом остается открытым вопрос о наборе возможных комплексов ценностей. Автономность подразумевает развитие науки с приоритетом на первых двух ценностях.

Распространена критика, что эти предпосылки не всегда проявляются в явной форме. Действительно, не все научные теории принимаются научным сообществом в соответствии с беспристрастностью; нейтральность часто нарушается ради контроля; требование автономности ослабляется многочисленными уступками, на которые вынуждено идти научное сообщество. Но автор, что даже если эти ценности не проявляются в полной мере и открыто, они всё же часто выражены в практике научных исследований [1, с. 331].

Выводы автора таковы: необходим синтез бесспорных достижений научных исследований, которые проводятся в духе материалистических стратегий, с рациональными элементами других современных стратегий. Более того, нужно многообразие научных стратегий (этот термин близок по значению парадигме). Ведь требование беспристрастности может способствовать продвижению к идеалу только в одном случае. Лишь когда различные ценности обуславливают принятие различных конкурирующих стратегий, появляются условия для реальной демонстрации беспристрастности. Проще говоря, если нет выбора, то как же можно проявить беспристрастность?!

Когда же науку пытаются полностью «очистить от ценностей», лозунг «свободной от ценностей науки» независимо от его «универсальной поддержки» фактически маскирует стремление вести научные исследования исключительно в рамках одного вида стратегий и тем самым испытывать влияние только одного определенного набора ценностей [1, с.334]. Такая наука теряет потенциал и приобретает черты идеологизированной науки, а отдельные исследовательские программы становятся деградирующими. Когнитивные ценности отделяемы от других ценностей, они играют решающую роль в выборе теорий, и, в конечном счете, определяют высокий уровень науки среди конкурирующих когнитивных практик. Таковы парадоксальные идеи науки, свободной от ценностей в современной интерпретации.

Литература:

1. Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание / Пер. с англ. Л.В. Сурковой, В.А. Яковлева, А.И. Панченко; Под ред. В.А. Яковлева. – М.: Логос, 2008. – 360 с.
2. Философия науки: учеб. пособие / Под ред. Д-ра филос. Наук А.И. Липкина. – М.: Эксмо, 2007. - 608 с.